

**МАРИЯ
КОКОРЕВА**

НА

ПРЕДЕЛЬНЫХ

СКОРОСТЯХ

Мария Кокорева

На предельных скоростях

«АСТ»

Кокорева М.

На предельных скоростях / М. Кокорева — «АСТ»,

Раш - владелец тату-салона и быстрого байка, наверное, даже и не думал, что на его пути встретится молодая и в чем-то наивная, талантливая художница Михаль. Встретится и перевернет его жизнь. Ведь более неподходящую пару, чем погрязший в долгах байкер и юная девушка, ищущая себя и свое место в мире, сложно себе представить. Но у судьбы свои планы. Гонки по ночному городу, драки, разборки с бандитами... смогут ли герои сохранить любовь и не потерять себя в этой жизни на предельных скоростях?#разницаВвозрасте#перваяЛюбовь

Он был свободен, как и ты

Никто не крикнул: "Тормози!"

Такой приказ неизвестен судьбе (с)

Ария «Герой асфальта»

Пролог

Чертов дождь хлестал прямо в лицо, ухудшая и без того ужасную видимость.

И ведь должен же был полить под самый конец трассы, у самого, мать его, финиша!

Холодные капли бились о гладкую поверхность шлема, мотор ревел, заглушая все доводы разума, и лишь одна мысль билась в голове в такт с зашкалившим пульсом: «Чертов сукин сын, ты должен победить, Раш, ты должен прийти первым»!

По всем правилам гонку нужно было давно прекратить, и, уверен, многие ребята уже сошли с трассы, не желая рисковать собственными шкурами. Но этот урод Докер, как и сам Раш, гнали железных коней вперед, выжимая из них по максимуму. Слишком хорошо они знали трассу, слишком уверены были в своих силах, и слишком многое было поставлено на карту, чтобы сейчас отступить.

До финиша оставался один поворот. Чертов, последний поворот, а потом прямая стрела, которую он преодолит за пару секунд, прибавив газу.

Но какой-то гребанный урод выставил поперек дороги два мусорных бака, едва различимых из-за дождя и плохого освещения улицы. Кто-то знал, что он будет идти первым, и этот кто-то его ждал.

Скрежет металла и жуткий хруст – это были последние звуки, которые Раш услышал, прежде чем понял, что на полной скорости врезался в подготовленную для него ловушку.

глава 1.

Пять месяцев спустя.

Однажды я решусь на это: соберу только самые необходимые вещи, закачаю в плеер любимую музыку и отправлюсь в путешествие на край света – путешествие, которое навсегда изменит мою жизнь.

Сейчас эта фраза из моего дневника кажется насмешкой, не более чем бредом шестнадцатилетней девчонки, насмотревшейся романтических фильмов.

Слишком быстро мне пришлось повзрослеть, отбросив в сторону глупые мечты, и научиться самой заботиться о себе.

Жизнь – чертовски непредсказуемая штука, и никогда не знаешь, в какой момент она решит преподнести очередной урок.

Мне все же пришлось покинуть родной дом, но отправиться не на поиски себя, нацепив наушники, а в надежде найти хоть какой-нибудь заработок.

Готовый сюжет для сопливой подростковой мелодрамы.

Невесело усмехаясь, я продолжала прокручивать в голове события последних шести месяцев, пока шагала по довольно оживленному району Бруклина с незатейливым названием Форт Грин.

Холодный ветер трепал полы моей длинной куртки, пытаюсь пробраться под плотную ткань и лишить последних остатков тепла, но я старалась не обращать на это внимания, во все глаза разглядывая витрины магазинов и вывески кафе.

Хотелось весны, чтоб эта бесконечная зима, наконец, закончилась, а на ее место пришло тепло.

Очередной сильный порыв ветра ударил в лицо, заставляя зажмуриться и, сильнее обхватив себя руками, прижать папку с рисунками к груди.

«Интересно, тут всегда такой ветрюга или это мне, как обычно, «везет»?» – размышляла я, рассматривая на удивление симпатичный райончик. Это тебе не Бронкс или Квинс – все чистенько и прилично, хотя и ничего особо выдающегося: так, обычная окраина.

Стараясь, чтобы папка с эскизами не выскользнула из задубевших пальцев, достала из бокового кармана куртки скомканный листок и еще раз сверила адрес.

Кажется, я у цели, но только входной двери, как и нужной мне вывески, видно не было.

Серое двухэтажное здание, казалось, по ошибке затесавшееся между высотками. Не пойми что – то ли слишком большая прачечная, то ли чересчур маленький мотель.

Поежившись от очередного порыва февральского ветра, я начала обходить странного вида постройку.

Завернув за угол, резко остановилась, пораженная в самое сердце.

Он восхитил меня с первого взгляда.

Красивый и стильный, самый необычный фасад тату-салона, который когда-либо попался мне на глаза.

Я стояла, раскрыв рот, не мигая, впитывая в себя все и сразу: довольно потрепанную вывеску, стеклянную дверь, укрепленную железной решеткой, и то, что так удивило меня.

Вся задняя стена дома стала огромным холстом, который неизвестный, но, безусловно, талантливый художник превратил в живую картину.

Затейливые узоры вились по стене дома будто лоза, переплетаясь, образуя потрясающие реалистичные, словно объемные, изображения мотоцикла, огромных песочных часов, черепа и гитары.

Чем дальше я рассматривала рисунок, тем больше замечала деталей и нюансов, которые были незаметны на первый взгляд.

Просто потрясающе.

Нерешительно касаюсь замерзшими пальцами шершавой поверхности стены, будто проверяя, реальна ли она. При ближайшем рассмотрении оказалось, что рисунок сделан обычными красками из баллончика, ну, знаете, такими, что используют подростки для граффити.

Постояв еще пару минут, любуясь переплетениями узоров, образующих подобие арки над входом, я взялась за ручку двери.

Тянуть время больше не было смысла: либо пан, либо пропал, как говорила мама.

Преодолев темный пыльный коридор, сталкиваюсь лицом к лицу с грузного вида женщиной, который, окинув меня недовольным взглядом, произносит:

– Малолеткам татуировки не делаем. Приходи, когда стукнет двадцать один, детка.

Прокашлявшись, я для большей уверенности еще раз взглянула на имя, выведенное ровным подчерком на обрывке бумаги, и произнесла:

– Привет, мне нужна Лера, могу я ее увидеть?

– Валери!!! – Заорал громила, даже не глянув в мою сторону. – К тебе пришли!

– Пусть подождут в зале, – донесся приглушенный женский голос, и громила указал мне на ближайшую дверь.

Залом оказалась средних размеров комната с небольшим кожаным диваном и столом, полностью заваленным папками с рисунками и эскизами татуировок. Все стены также были увешаны изображениями черепов, тигров и прочей атрибутики жанра, видимо, пользующихся популярностью. В зале имелось три выхода, и не было ни одной двери, что меня немного удивило. Заглянув в один из дверных проемов, я увидела огромное кресло, похожее на те, что стоят у стоматологов, только больше и обшито черной кожей. На столе неподалеку располагались целая куча тюбиков и баночек, а также наборы игл и незнакомые мне приспособления.

«Ни дать, ни взять – комната маньяка,» – пронеслось у меня в голове, и только сейчас я поняла, что пришла сюда по приглашению девушки, которую видела один раз в жизни. Неизвестно, что это за место, и чем вообще промышляют в этом тату-салоне. А судя по громиле у входа, если вдруг что-то случится, выйти отсюда по собственной воле мне не дадут.

– Эй, ты что тут забыла?

От неожиданности подсакиваю, выронив папку из рук, и с ужасом наблюдаю, как мои эскизы разлетаются по полу. Опустившись на колени, начинаю собирать листы, пытаюсь не показывать, что до смерти испугана.

– Ты кто такая?

Спрашивает настойчивый мужской голос, а его обладатель даже не думает мне помогать, продолжая стоять рядом, в то время как я ползаю по полу, собирая бумажки.

Сложив, наконец, все эскизы обратно в папку, выпрямляюсь, вглядываясь в лицо незнакомца.

Симпатичный шатен с потрясающей улыбкой и идеальным телом недовольно смотрел на меня, явно ожидая ответа.

– Меня пригласила Лера, я пришла показать рисунки, – мямлю нерешительно, стараясь не пялиться на его шею, полностью покрытую татуировками. Рисунок скрывается за воротом футболки, и мне становится до ужаса любопытно, где именно на его теле он заканчивается.

– Понятно, «алло, мы ищем таланты, – произносит мужчина и машет в сторону дивана.
– Жди там, она сейчас придет.

С сожалением провожаю шатена взглядом. После этой встречи мои недавние опасения тут же улечиваются – на нарко-притон или бордель это место не похоже, да и местный контингент явно мной не заинтересован.

– Кто там еще? – прогремел незнакомый голос в соседней комнате.

Фраза, произнесенная на русском языке, резанула слух, и я невольно наклонилась вправо, пытаюсь разглядеть говорившего сквозь дверной проем.

– Девчонка-художница, кажись, Валери откопала где-то.

– Какого хрена ее вообще пустили, нам проблем мало?

Подойдя ближе, я, наконец, смогла разглядеть говорившего с шатеном мужчину.

Он сидел на столе, по-хозяйски упершись подошвой ботинка в столешницу. На голову накинута капюшон, рукава черной кофты закатаны, обнажая руки, покрытые цветными татуировками.

Хотя, какие к черту татуировки! Это было настоящее произведение искусства, как и фасад здания, в котором я сейчас находилась. Никогда не думала, что такое примитивное искусство, как тату, может выглядеть настолько красиво.

– Раш, а мне что, жалко? Покажет картинку и пойдет дальше, кому нужны сейчас эксклюзивные эскизы, когда нормальных мастеров нет? Пусть Лера поиграет в добрую самаритянку – мне не сложно посмотреть картинку и сказать «нет».

– Гони ее в шею, харе заниматься благотворительностью! Самим бы кто помог, – пробормотал парень в капюшоне и тем самым отвлек меня от созерцания его рук, а вернее, рисунков на них.

– Эй, а ничего, что я все слышу?! – спросила по-русски, ожидая незамедлительной реакции, и едва сдержала самодовольную ухмылку, глядя на выражение лиц мужчин, резко повернувшихся в мою сторону.

– По-русски шпрехаешь?!

– Ну, на татарский это не похоже.

Из дальнего угла зала послышался женский смех, и на пороге появилась Лера.

Она была именно такой, какой я запомнила ее в нашу первую и единственную, к слову сказать, встречу. Невысокая стройная девушка с длинными светлыми волосами, собранными в высокий пучок на самой макушке.

– Ребят, ну пора привыкнуть, что в Нью-Йорке русских больше, чем самих америкосов. Не стоит так громко болтать и надеяться, что вас не поймут.

Пройдя через всю комнату, она присела на подлокотник дивана.

– Напомни, как тебя зовут, – обратилась ко мне, приветливо улыбнувшись.

– МихАль.

– Миха-аль, – произнесла, растягивая гласные, будто пробуя незнакомое слово на вкус.

– А дома тебя как называют?

– Миха...

– Хех, Миха, и откуда это ты с таким именем на русском лопочешь, как на родном?

– Назвали в честь прабабушки, у мамы израильские корни.

– Вот только еврейки, болтающей на русском, нам тут не хватает для полного счастья. Лер, что за бред?! Проблем сейчас мало? Гони ее в шею!

Теперь мужчина с татуированными руками смотрел прямо на меня, и я смогла получше его рассмотреть. Из-под капюшона торчал короткий ежик светлых волос, на шее виднелась татуировка на подобие птицы, раскинувшей свои крылья, а чуть ниже – изображение звезды.

Странный этот Раш, кажется, так его назвал шатен. Похож на чокнутых фриков, которые тусовались отдельной компашкой у нас в школе. Чудаковатые ребята с огромными «тоннелями» в ушах, пирсингом, разноцветными волосами или дредами.

Я так увлеклась разглядыванием татуировок, что не сразу почувствовала на себе полный неодобрения взгляд холодных серых глаз. Смутившись, тут же отвернулась, полностью сконцентрировавшись на Лере.

– Раш, ты ее эскизы видел? Мы можем полностью обновить базу!

– С какого перепуга я должен у не пойми кого картинки покупать? Тебя за каким тогда на работу взял?

– А кто сказал, что мы у нее будем что-то покупать?

Взглянув на меня, девушка спросила:

– Миха, иголок боишься?

– Что-о? – я и так не особо успевала вникать в суть разговора, который, к слову, шел обо мне, а последний вопрос вообще поставил меня в тупик.

– Сможешь колоть людей иголкой за деньги? – Лера явно забавлялась моей растерянностью. Быстро сориентировавшись, я ответила в тон ей:

– Если будете хорошо платить, могу не только иголкой.

– Валери, что ты задумала? – вмешался в разговор шатен, который до этого наблюдал за дискуссией со стороны, не вмешиваясь.

– Просто научу ее. Будет как я, бить тату по собственным эскизам. Считаю, что я беру ученицу, на полставки – мы с Крисом все равно не справляемся.

Игнорируя недовольные лица мужчин, Лера уже схватила меня за руку и куда-то тащила.

– Не бойсь, Миха, прорвемся.

– Что за баба?! Макс, разбаловал ты ее, пока меня не было. Ведет себя как хозяйка в нашем салоне! – услышала я негодующий возглас Раша, прежде чем Лера успела увести меня достаточно далеко.

– Завтракала сегодня? – спросила девушка, когда мы оказались на небольшой кухне.

– Нет.

– Значит, начнем с кофе. И не ходи больше рисовать портреты на улице, особенно в такой холод. Договорились?

– Ага.

Так, совершенно неожиданно, я начала работать в тату-салоне.

глава 2.

Раш

Сжимаю зубы, в жалкой попытке вытерпеть грызущую изнутри боль.

В глазах темнеет, и приходит понимание, что сегодняшней день тоже летит к чертям, ведь я в очередной раз проиграл.

Долбанный, хренов неудачник!

Сползаю с подоконника и кое-как добираюсь до ванны.

Врубаю холодную воду и умываюсь трясушимися руками, надеясь, что это поможет прийти в себя.

Слабак!

Впиваюсь пальцами в края раковины, пытаюсь заглушить одну боль другой, и подняв голову, встречаю в зеркале собственное отражение.

По осунувшемуся за время лечения лицу, больше похожему на череп, обтянутый кожей, медленно стекают капли, а в расширенных зрачках виден страх – то, что я презираю больше всего на свете.

Страх и мольба.

Да пошло оно все!

Матерясь, достаю спрятанную баночку с таблетками. Боль не проходит, вцепившись своими острыми клыками в ногу, она, будто раздирает мышцы изнутри. Хочется выть, крушить все вокруг, но знаю, это не поможет – проходили...

Кладу на язык три пилюли, чтоб уж наверняка, и запиваю ледяной водой прямо из-под крана.

Вот он я – долбанный счастливчик!

«Лаки, лаки!» – как заведенные повторяли врачи, которые собирали меня после аварии. Чудо, что после такого жив остался, да еще и руки-ноги целы.

Живи и радуйся, мать твою!

Только радоваться не получалось. Травмированное колено не давало, а операцию, которая могла помочь, не покрывала страховка. Да и не факт, что скальпель вылечит – этим уродам лишь бы резать.

Все надеялся: пройдет, боль со временем утихнет, и я слезу, наконец, с этих чертовых обезболивающих.

Хрен там! Если днем еще было терпимо, то ночью хотелось сдохнуть.

Организм очень быстро привыкал к пилюлям, и дозу приходилось постоянно увеличивать.

Никогда не думал, что докачусь до такого.

Неудачник, который глотает таблетки пачками, чтобы продержаться до утра.

Теперь еще пришлось заложить салон, чтоб найти деньги на чертову операцию. Но уж лучше так, иначе еще пара недель бессонных ночей – и я сам пуцу себе пулю в лоб.

Хорошо, хоть Макс поддержал и согласился.

Мало того, что сам в дерьмо влез, так еще и друга потащил за собой. Хороший из меня компаньон.

Не сдержавшись, со всей силы впечатал кулак в плитку, чувствуя, как кафель крошится, вспарывая в кожу.

Пусть ненадолго, но это помогло отвлечься – одна боль взамен другой.

Докатился...

Ничего. Слетаю на операцию и после восстановления буду гонять как новенький. Сорву куш, верну Максу деньги и закладную на тату-салон.

Сдохну, но сделаю!

Прихрамывая, плетусь в зал для посетителей, понимая, что не осилю лестницу, ведущую в квартиру на втором этаже. Придется ночевать тут.

Споткнувшись об оставленную кем-то на полу сумку, опускаюсь на диван, надеясь, что в полутьме станет легче и придет долгожданное освобождение.

Хрен там!

Громкий вскрик и пару ударов под ребра – вот что я получаю вместо желанного отдыха.

Хватаю за шкуру нападавшего и пару раз встряхиваю, чтобы у того поутихло желание сопротивляться.

– Отпусти!

Едва различаю в полутьме растрёпанные каштановые волосы и огромные испуганные глаза.

– Ты что тут забыла? Как там тебя – Маша?

– Миха...

Девчонка, которую сегодня утром Лера взяла на работу, выкручивается из моих рук и отползает на другой край дивана.

– Один черт. Чего тут забыла? Рабочий день давно закончился.

Молчит, уставившись на меня во все глазищи. Да, я сейчас тот еще «красавец», кого хочешь напугаю: бледный, мокрый с разбитыми в кровь руками татуированный мужик. Я б на месте мелкой продолжал орать и отбиваться. Теперь, когда глаза привыкли к темноте, могу разглядеть, что сумка, о которую я споткнулся, это рюкзак, рядом с которым стоит папка, что была у этой горе-художницы в руках сегодня утром.

Проследив за моим взглядом, девчонка бледнеет еще больше и резко вскакивает с дивана, надеясь, видимо, дать деру.

Но рефлексy, еще не заторможенные таблетками, срабатывают мгновенно: выпрямляю здоровую ногу, делаю подножку и не давая этой мелочи слинять.

С грохотом падает на пол, но мне плевать – сама решила побегать. За свои поступки нужно отвечать. Пусть привыкает.

– А теперь поднялась и села обратно.

Наблюдаю, как встает на ноги, отряхивает ладони и, глядя на меня полными слез и обиды глазами, возвращается на диван.

– И куда тебя черт понес – входная дверь все равно заперта?

Нижняя губа девчонки начинает дрожать.

Проклятье. Вот только истерики со слезами мне тут не хватало!

– А теперь успокоилась и все рассказала. С какого перепуга ты решила превратить мой салон в ночлежку?

– Я... Мне просто негде больше ночевать, – бормочет, едва справляясь со слезами.

Морщась от боли, откидываюсь на спинку дивана, стараясь уменьшить нагрузку на больное колено.

– Врешь. Ночевать тебе есть где.

– Не вру я! Мне на самом деле некуда идти.

Прикрываю глаза, пытаюсь расслабиться и дать лекарствам хоть немного подействовать.

– Одета ты хорошо, да и вещи у тебя не из дешевых – это сразу видно. Говоришь правильно, еще – вон, рисовалками занимаешься. Небось, училась где?

– Да... Посещала курсы.

Киваю, подтверждая свои догадки. Разговор немного отвлекает, и я продолжаю, потирая сбитые в кровь костяшки, вызывая тем самым новые импульсы боли:

– Тебе есть где ночевать. Вопрос в другом: почему ты не хочешь туда идти?

В ответ – гробовая тишина. Предсказуемо, но мне лень открывать глаза и пытаться по выражению ее лица понять причины нежелания говорить.

– Рассказывай, если хочешь остаться.

Лекарства наконец-то начинают действовать, и я дышу ровнее, чувствуя, как боль, пусть медленно, но все же отступает.

– Я полгода назад маму потеряла. Она умерла от рака крови... Отец после этого пить начал. Ничего ему не нужно, меня уже толком не узнает. С работы уволили, живет на пособие, все пропивает. Поэтому я ушла, чтоб органы соц. опеки не забрали. Уж лучше самой, чем туда.

Выдает девчонка скороговоркой, будто каждое слово жжет ей язык, и, кажется, стыдась того, что рассказала.

Детский сад, ну ей-богу.

Теперь понятно, почему Лерка так рвалась ее на работу взять. Вот же две дуры! Только эта малолетняя, может еще поумнеет, а у той – клиника конкретная. Одна решила, что сможет протянуть без помощи в большом городе, где народ дохнет пачками, другая вызвалась помочь ей в этом.

Да и папаша там, видимо, хорош: утопил свое горе и забил на ребенка.

С девчонкой же черт знает что могло случиться...

– У вас кровь идет.

Резко подскакиваю на диване, не понимая, где нахожусь. Провожу ладонью по лицу, пытаюсь прийти в себя. Видимо задремал, а может просто вырубил от недосыпа и лошадиной дозы таблеток.

– У вас на руках, кровь.

Девчонка все еще сидит на другом конце дивана, но в глазах больше нет страха, а может просто хорошо скрывает – кто ее разберет. И почему не ушла, собственно, неужели и правда некуда?

– Да черт с ней с этой кровью. Много не вытечет.

Интересно, долго мы вот так сидим. На сколько ж меня вырубил?

По ощущению прошло пара секунд, а на деле, полночи могло пройти.

– Значит так. Вверх по лестнице и на лево. Дверь не заперта. Завтра у Лерки возьмешь запасной ключ, скажешь – я разрешил. И чтоб после первой зарплаты я тебя тут больше ночующей не видел. Поняла?

– Не-ет...

– Уезжаю я, а ты пока в квартире за главную будешь. Не забывай Жорика поливать, а то я Лере не доверяю – чуть не испоганила мне его в прошлый раз.

– Так мне можно остаться? – В голосе нотки недоверия смешиваются с каким-то детским восторгом. Хочется улыбнуться – так забавно это звучит со стороны.

– Вещи взяла и – наверх.

Слушаю, как она копошится, поднимая сумки, и осторожно пробирается в полутьме к проему двери.

Когда негромкие шаги стихают наверху, позволяю себе, наконец, расслабиться и провалиться в беспокойный сон.

глава 3

Два месяца спустя

Раш

«Снова брошен в окна лунный свет,

Дом мой сонный серебром одет.

Лунной кисти не достичь глубин -

Эту бездну знаю я один.»

Вырубаю плеер, снимаю наушники и, расплатившись с водилой, наконец, вылезая из такси.

Верно спел Валерыч – ни дать, ни взять угадал я с песней.

Вот он – мой дом – только одет не в серебро, а усердно полит ночным дождем.

Выругавшись, роюсь в карманах в поисках ключей.

Куда ж они подевались?! Неужели потерял?

Вот и устроил «сюрприз»: прилетел на два дня раньше.

Не люблю я всех этих встречаний, провожаний – уезжать и возвращаться нужно в одиночестве, без соплей и долгих прощаний. Так привычней.

Вот только дождь испоганил все планы. И посадку задержали, и добирался до дома дольше обычного.

Ливень тем временем хлещет, не переставая. Вода заливается за ворот куртки, не спасает даже «козырек» над входной дверью.

Проклятье!

В последнее время у меня хроническая непереносимость этого самого дождя, и, думаю, не стоит объяснять почему. С него все и началось. Вернее, с того мудака, что выкатил баки. Но вода тоже сыграла свою роль в этой истории.

После долгих поисков ключи все же находятся, и я, введя на дисплее код сигнализации, отправляюсь наверх, стряхивая по пути капли воды, будто старый пес.

Стараясь особо не шуметь, чтоб не разбудить спящих в соседней квартире Макса и Лерку, открываю дверь и, наконец, довольно выдыхаю.

Вот теперь точно – дома.

Банка пива из полупустого холодильника – самая желанная вещь на свете.

Делаю глоток прохладного солода и блаженно закрываю глаза.

Столько месяцев лечения провести в завязке, и вот, наконец, долгожданный алкоголь. Достали эти постоянные наставления врачей, что нельзя мешать обезболивающее с бухлом. Столько угроз и мед. терминов наслушался, что в пору трезвенником становиться.

Но сейчас организм чист, и можно расслабиться, спокойно выпив пару банок.

Твою ж мать!

Обливаюсь, чуть не подавившись от неожиданности пивом, когда в темноте дверь в мою спальню открывается.

Так и до инфаркта довести можно!

На пороге едва различаю женский силуэт, подсвеченный сзади тусклым светом ночника.

Вот это поворот.

Девушка замирает на пару секунд, а потом щелкает выключателем, и всю комнату заливают яркий свет.

На мгновение теряю способность видеть, ослепленный яркой вспышкой лампочки, а когда глаза, наконец, привыкают, я офигиваю еще больше.

На пороге моей спальни стоит длинноногая девчонка в одной лишь майке чуть выше колена. Та самая, которая пыталась превратить тату-салон в ночлежку перед моим отъездом, и которой я, кажется, разрешил пожить у себя до первой зарплаты.

Вот наглая, а!

– Тепло ли тебе девица? Тепло ль тебе красная? – цежу елеинным голосом и, поставив пиво на стол, стягиваю с себя промокшую футболку.

– Чего?

– Того. Губа у тебя не треснула от наглости такой? Чего тут забыла, да еще в моей спальне?

– Так, вы же это... Сами разрешили, – бормочет, уставившись в пол.

– Ага, про разрешили ты запомнила, а про первую зарплату, видимо, прослушала на радостях. Быстро вещички собрала и слиняла.

Падаю на диван, желая побыстрее отделаться от девчонки и, наконец, отдохнуть. После долгого перелета задеревеневшие мышцы ноют не по-детски.

Хочется залиться пивом и уснуть. Но, видимо, сегодня явно не мой день, а вернее, ночь.

- Так мне Лера разрешила остаться.
- Интересно, может она и деньги с тебя брала за проживание?
- Да нет, откуда у меня деньги.
- Тогда свободна.

Скрывшись за дверью спальни, девчонка возвращается спустя всего лишь пару минут. Видно, что собиралась впопыхах. На ней все та же майка, с каким-то нелепым принтом, только добавились джинсы и кеды. На спине рюкзак, в руках папка с рисунками и куртка.

И это все ее пожитки?

Выглядит жалко, хотя, можно было бы выбрать выражение и похуже.

– А что ты там про деньги несла? – останавливаю ее на полпути к двери. – Неужели наша «мисс праведная блонди» тебе не платит?

– Лера? Нет, что вы, платит, конечно! – возмущается девчонка, округлив от удивления и без того огромные глазищи.

– Тогда что ты там бормотала про деньги? Куда зарплату деваешь?

На кой черт, спрашивается, интересуюсь?

А хрен его знает.

Только вот не могу остановиться, будто кто за язык тянет. Видимо намолчался в самолете, вот и расперло на поговорить или от пива развезло с непривычки.

– Брату отсылаю, – бубнит так тихо, что я едва могу расслышать.

– Чего ты делаешь?

– Отправляю младшему брату. Его тетка к себе во Флориду забрала.

– Офигеть, Санта-Барбара отдыхает. А ты чего к тетке не поехала? Самостоятельности захотелось?

Меня уже начал порядком забавлять этот разговор. Не девчонка, а ходячий персонаж мыльной оперы. Ее скромные пожитки и полупустой холодильник подтверждают, что не врет. Живет чуть ли не впроголодь. Ну дура, как еще назвать? Навешала на себя взрослых проблем и тащит как упрямый мул. Знаем мы такую породу, видели.

– Она и его-то забирать не хотела. Брату одиннадцать, все боялась, что не справится с ним.

– И ты, значит, такая добрая, ему на хлеб зарабатываешь? Неужели брата не кормят совсем? – язвлю, не пытаясь даже скрыть сарказма.

– Не на хлеб, нет. Он у меня спортом занимается, на это и отсылаю.

Тут уж я не выдержал и откровенно расхохотался.

– Слушай, ты явно пересмотрела сериалов или у тебя сплошная каша в голове? Сейчас ты ему все деньги переводишь, а что потом? На панель пойдешь, чтоб в колледж отправить? Поверь, тебе никто за это спасибо не скажет. Да и не твои это заботы – не пропадет пацан без спорта.

Тут она впервые за весь вечер поднимает взгляд и отвечает, чеканя каждое слово. Видно задел я ее за живое, раз так встрепенулась.

– Он у меня в хоккей играет, подает большие надежды. А знаете, сколько сейчас одна форма стоит со всеми наворотами? Уверена – и понятия не имеете какие там суммы. Тетка ему это оплачивать не будет, как и сами занятия. А где я деньги беру и кому отдаю, это уже не ваша забота. Будет нужно, и на колледж насобираю.

О, а это мне уже нравится: пусть и дура, но характер при ней. И на том спасибо. Не люблю, когда в команде слабаки попадают – потом от них проблем не оберешься.

– Ну хорошо, убедила, – говорю примирительно. – Молодец, отстояла свою точку зрения.

Девчонка неуверенно кивает и нервно переминается с ноги на ногу, явно не зная, что делать дальше.

– Ладно. Кидай пожитки. Не в ночь же тебя выгонять, а то еще чего – лишится Америка будущего гениального хоккеиста. А таких спонсоров как ты беречь нужно, – бросаю снисходительно и, прихватив банку пива, направляюсь в спальню.

– Так мне можно остаться?

– А ты по-русски уже понимать разучилась? Спать на диване будешь.

Благодарственную речь слушаю уже за закрытой дверью.

Падаю на кровать.

Устал, смертельно, адски устал. Еще и колено то ли из-за дождя, то ли из-за перелета ныть начало, впервые за месяц.

С возвращением домой, бля*ь!

Вот и докатился: как у старика суставы на погоду болят.

«Это старость, Раш» – сказал бы сейчас Макс и был бы чертовски прав.

После двух часов безуспешных попыток уснуть, хожу по комнате, как загнанный зверь.

В принципе, паниковать пока еще рано: на ногу мне наступать не больно, как это было до операции, да и ощущения с теми не сравнить.

А вот постоянная ноющая боль в колене напрягает, не давая уснуть, заставляя ворочаться на простынях.

Хочется верить, что это всего лишь усталость от перелета с хреновой погодой вместе взятые.

Хочется верить...

Черт! Голова сейчас просто лопнет!

А если нет? Если столько времени и бабла ушло впустую, и я так и останусь слабаком, едва не подышающим по ночам от бессонницы?

Боль и сомнения грызут изнутри, заставляя наворачивать круги по комнате.

Проклятие! Нужно отвлечься, переключиться и срочно, иначе я рехнусь.

Завтра утром станет легче. На крайняк закинусь таблетками и спокойно подумаю, что делать дальше.

Слышу едва различимый шорох за дверью, и тут же вспоминаю о девчонке.

Точно! И как я раньше не догадался?!

Распахнув дверь, застаю Миху сидящую на диване, со стаканом воды в руках. – У вас все хорошо? Так шумите...

– Пойдем.

– Куда?!

– Раз все равно не спишь, будешь отрабатывать свое проживание.

глава 4.

Михаль

– Раз все равно не спишь, будешь отрабатывать свое проживание.

Да уж... Думаю, любая девушка мечтает услышать нечто подобное в пол второго ночи от мужчины, который совсем недавно чуть не вышвырнул ее на улицу.

И ведь вздумалось ему приехать на два дня раньше!

Предупреждала же Лера, что Раш не любит долгих встреч и прощаний. Но мы-то ждали его только послезавтра.

План был очень прост: перекантоваться пару ночей у Макса с Лерой, пока не получится уговорить Раша разрешить мне остаться. Я настраивала себя ночевать на диване, что стоит в зале на первом этаже, лишь бы не оказаться вновь на улице.

В теории все было идеально, а на практике – полетело под откос, не успев начаться.

Словами не передать, как же я испугалась, когда, включив свет, увидела посреди комнаты Раша.

Вот честное слово, лучше б уж воришки залезли – на этот случай в квартире была припрятана бита, да и стоило только закричать, тут же примчался бы Макс, живущий за стенкой.

Но с Рашем кричать было бесполезно...

Он имел право злиться, да и упрекать меня было в чем.

Поэтому мне не оставалось ничего иного, как быстро схватить уже собранные вещи и послушно уйти.

Хорошо, хоть удача и в этот раз мне улыбнулась.

Непонятно, правда, почему он передумал, да и какая разница, если в итоге мне разрешили остаться?

И все ведь шло хорошо – я уже выдохнула с облегчением, радуясь, что ситуация так благополучно сложилась, но это его «Раз все равно не спишь, будешь отрабатывать свое проживание» буквально лишило дара речи.

Ведь после столь двусмысленной фразы Раш, не спрашивая разрешения, потащил меня вниз по лестнице напрямиком в главный зал тату-салона.

Я как была: в майке, носках и домашних тапочках, оказалась перед столом с эскизами для тату. Непонимающе уставившись на Раша, ждала объяснений, которые он, видимо, не собирался озвучивать.

– Вот этот, – мужчина ткнул пальцем в первый попавшийся рисунок, даже толком не глянув на него. – Чего застыла? Готовь трансферную бумагу для эскиза.

Нет, он это серьезно сейчас? Посреди ночи затеять проверку, чтобы увидеть, чему я научилась за два месяца? Или это очередной предлог выгнать меня?

Больной какой-то, уж лучше бы сразу прогнал, чем это шоу устраивать.

Хочет татуировку? Он ее получит!

Но, взглянув на эскиз, я мысленно застонала. И ведь выбрал же ужасно сложный рисунок с кучей деталей, к тому же цветной!

На фоне ловца снов я изобразила мифическое животное-химеру, а именно: профиль льва с необычными загнутыми рогами и подобием короны на голове.

Проклятье, да еще и машинки не настроены – этим обычно занимается Лера каждое утро.

Ну все, не видать мне работы!

Тут нужно объяснить, что обычно минимальный курс обучения для тату-мастеров длится три месяца, но человеку, умеющему рисовать, может понадобиться и меньше времени. В результате ежедневных занятий я неплохо изучила основы и сейчас практиковалась, набивая простенькие татуировки под присмотром Леры.

Это давалось мне легко. Но вот настройка оборудования имела свои нюансы и требовала куда больше времени и сил для их изучения.

Мастера эти особенности четко знают, а такой новичок, как я, легко может напортачить, настроив машинку неправильно, вследствие чего игла будет входить слишком глубоко, и краска может «уйти». Зато на память от такого горе-татуировщика останется некрасивый рубец. И к сожалению, это не единственная ошибка, которую можно совершить.

– Ты так и будешь стоять с листом в руке?

Я даже подпрыгнула на месте от неожиданности.

Так, теперь остается либо признаться, что лишь пару раз сама настраивала машинку, и тут же потерять работу, либо попробовать, накосячить и уже после этого оказаться на улице.

Выбора у меня особо не было, и я решила рискнуть.

Достав антисептик, набор игл и трансферную бумагу, я начала подготавливать рабочее место.

– На спине будем колоть?

Вместо ответа Раш протянул руку, указав на тыльную сторону ладони.

Он издевается?

Я буквально чувствовала, как паника накрывает меня, а на лбу выступает холодный пот. Мало того, что это не самое незаметное место, и, если я совершу ошибку, общая картина татуировок Раша будет безнадежно испорчена, так еще и бить тату на тыльную сторону ладони очень больно. А уж какую кропотливую работу придется проделать мастеру, то есть мне, вообще молчу.

Я и так пока не отличаюсь «легкой рукой» – слишком сосредоточенная на выведении четких линий, частенько забываю, что передо мной не холст, а живой человек, и орудую я иглой, а не карандашом.

– Вы уверены, что именно сюда?

– Я похож на сомневающегося человека?

«Ты похож на больного, раз просишь меня о таком,» – мысленно объяснила ему.

Но отступить было некуда, и я принялась переводить рисунок на кожу.

Раш

В самом начале эта идея показалась гениальной – мой уже почти забытый за два месяца лечения способ отвлечься, заменив одну боль на другую.

Все просто, главное – правильно подобрать составляющие.

Первое – начинающий мастер, у которого, как и у всех новичков, слишком «тяжелая» рука.

Второе – самое сложное и неудобное место для татуировки, где ощущения будут наиболее неприятными.

Даже если эта девчонка напортачит, Лера, с ее золотыми руками, потом легко исправит недочеты. Да и о красоте я сейчас думал в последнюю очередь.

Главное – что смогу протянуть до утра без этих чертовых таблеток.

Все гениальное – просто. И как я не додумался до этого раньше?

Но так было вначале, пока малышка, неуверенно сжав в руках лайнер, не приступила к работе.

Равномерное жужжание машинки заполнило комнату, перекрывая шум дождя за окном. Мой расчет оказался верным – Миха еще не успела «набить руку», поэтому работала медленно и неумело, причиняя боль.

Именно то, что мне сейчас нужно.

Я, наконец, отвлекся и получил возможность нормально рассмотреть девчонку.

Длинные каштановые волосы она собрала в пучок на затылке, открывая взгляду тонкую шею. Бретели майки не скрывали белые плечи и острые ключицы. Красивая, изящная девочка, уже сейчас видно, что из нее вырастет шикарная женщина. Мне всегда нравились такие.

Когда взгляд опустился ниже, я, не сумев сдержаться, выругался. Пусть и негромко, но Миха все равно услышала. Взглянула на меня своими огромными глазами и взволнованно залепетала:

– Больно, да? Может вам это... обезболивающего? У нас тут много чего есть, мази всякие...

– Не мельтеши. Дальше работай, нормально все.

Проклятие, она была без белья, и эта чертова майка не скрывала ровным счетом ничего, позволяя отчетливо различить очертания девичьей груди под тонкой тканью. Остальное изображение дорисовало в красках, причем мгновенно. Да уж, с фантазией у меня никогда проблем не было, особенно в таких вопросах.

В комнате как-то резко стало жарко, во рту пересохло, и до одури захотелось курить. Только сигареты и зажигалка остались в куртке наверху.

Ну все, приехали! Я уже на малолеток заглядываюсь!

Хотя, у меня больше двух месяцев не было бабы, тут на кого хочешь засматриваться начнешь. Неудивительно.

Так, нужно на что-то срочно переключиться, пока мозги не отказали окончательно.

Только как тут переключишься, когда перед тобой сидит длинноногая девчонка, одетая в какое-то подобие платья, да еще и без всяких признаков белья?

Интересно, а она спит только в одной лишь майке?

Твою ж мать!

Да уж, думать о том, есть ли на ней сейчас трусики, мне ой как поможет!

Не придумав ничего лучше, я стал рассматривать рисунок на этой чертовой майке и чуть не подавился от смеха, прочитав напечатанные на ткани слова.

– Honey Candy? Медовая конфета, серьезно?

Миха отрывается от работы, мельком взглянув на меня, и смущенно улыбается.

– Папа работал в этой компании, у нас дома очень много вещей с их логотипом.

– Более приторное название и придумать сложно. Говорю, и от этого уже сладко на языке.

– Они на самом деле такие, их невозможно есть. Я никогда не любила, – смеется Миха, забавно морща нос. Ее хриловатый, чуть приглушенный смех неожиданно резанул по нервам, заполнив всю комнату. А я сижу, как дурак, пялясь на ее губы. Обветренные, чуть припухшие... Один взгляд на них заставляет тело напрячься.

– Сколько тебе лет? – прохрипел неожиданно севшим голосам.

Вопрос показался не таким уж наивным, если учесть мысли, что посещали мою голову в данную минуту.

– Семнадцать. С половиной- пробормотала, даже не взглянув на меня, полностью сконцентрировавшись на выведении четких линий, а я, как последний извращенец, продолжал глядеть на ее губы.

Семнадцать с половиной...

Смешная. Спроси любую женщину о ее возрасте, и она, будь уверен, уменьшит цифру на пару лет, а Миха, как маленькая, все еще считает месяцы, ожидая, видимо, когда станет взрослой.

Маленькая.

Почему-то это слово никак не вязалось с длинными ногами и обветренными губами, к которым так и хотелось прикоснуться.

Тело упорно отрицало то, что мозг пытался ему втолковать.

Вот уж отвлекся, так отвлекся.

Бабу тебе нужно, Раш, и побыстрее, а то, того и гляди, на всех подряд кидаться начнешь.

– Ладно, закругляйся, медовая конфетка, спать пора, – произнес, прокашлявшись, стараясь, чтобы голос не звучал натужно. Неизвестно, что мне еще в голову придет, посиди я тут подольше.

Хех, конфетка!

Уж очень «говорящей» оказалась надпись на ее майке.

Миха выдохнула, как мне показалось, от облегчения, и, вскочив со стула, тут же начала убирать со стола.

Совсем измучил человека – поднял посреди ночи, работать заставил. Вон как торопится, спешит, видимо, побыстрее спать лечь.

– Ну, так что, вы меня оставляете?

– Где? – спрашиваю, всматриваясь в голубые распахнутые глазищи. Боится что ли? Черт ее разберешь, чего смотрит-то так настороженно?

– Я могу продолжать работать?

– Выгонять тебя никто не собирается, если только сама не передумаешь.

– Спасибо! – буквально выкрикивает Миха и, попросившись, выбегает из комнаты, оставляя меня в полном недоумении. Вот она, женская логика. С чего вдруг решила, что я собираюсь ее увольнять? Непонятно.

Рассматриваю наброски татуировки, прежде чем заклеить ее защитной пленкой, и понимаю, что работы тут не на один вечер или даже ночь.

Ладно, разберусь с этим позже.

Поднимаюсь по лестнице с одним желанием: найти свои сигареты и наконец-то закурить.

—

[i]лайнер – контурная тату-машинка (бьет тонкие линии).

Honey Candy – перевод «Медовые конфеты».

глава 5

Михаль

Проснулась я от жуткого грохота.

Подскочив на кровати, долго пыталась понять причину оглушающего шума, пока не сообразила, что это всего-навсего музыка, доносившаяся из комнаты Раша.

Играло что-то тяжелое. Пели по-русски, но слов я разобрать не смогла – видимо, мои барабанные перепонки едва справлялись с задачей не лопнуть, куда уж там до вникания в смысл текста.

На часах – начало восьмого!

Учитывая, что из-за ночного экзамена, устроенного Рашем, легла я в четыре утра, напрашивался вопрос: этот мужчина вообще спит?.

Ну ладно, сам не спит, так пусть хоть другим не мешает!

Эх, как жаль, что он вернулся, так хорошо жилось одной эти два месяца.

Вот уж действительно: все хорошее быстро заканчивается.

Едва я успела подняться на ноги и натянуть джинсы, как в квартиру влетела Лера. В забавной розовой пижаме она пулей пронеслась по комнате и, даже не постучавшись, распахнула дверь в комнату Раша.

Музыка тут же поутихла.

– Рашик, с возвращением! – прокричала, смеясь, повиснув на широченных плечах мужчины, который стоял около стереосистемы. – Как же я люблю твои неожиданные возвращения!

– И тебе здравствуй, белобрысая.

– От белобрысого слышу! – Лера, наконец, «спустилась на землю», прекратив цепляться за Раша. – Я уже отвыкла от твоих утренних подъемов, подумала, что это Макс врубил музыку.

– Я реально чуть не огреб, пока она не сообразила, что это доносится из твоей квартиры, – на пороге появился Макс, уже в джинсах и клетчатой рубашке, но с взъерошенными волосами и заспанным лицом. Видимо не одной мне помешали наслаждаться таким желанным сном.

– Меня можно понять, ведь только вы, как настоящие динозавры, продолжаете слушать это старье, – посмеиваясь, оправдывалась Лерка, наблюдая, как мужчины обнимаются, похлопывая друг друга по спине в знак приветствия.

– С возвращением.

– Спасибо, друг!

– Ну что, рассказывай: как поездка, все прошло удачно? – Подпрыгивая на месте от нетерпения, Лера сейчас напоминала маленького ребенка, жаждущего немедленно получить ответы на свои вопросы. Раш же явно не спешил с рассказами. Будто желая потянуть время, он начал неспешно натягивать футболку, которую вытащил из сумки.

Так и не дождавшись ответа, Лера переключилась на пластырь, которым была заклеена тыльная сторона ладони мужчины. Вопросы посыпались один за другим просто с космической скоростью.

– Ой, а это что? Новое тату?! Как так? Ты же всю правую руку обещал под мои татуировки! Кто мастер?! Покажи!

Я напряженно ждала, когда Раш ответит, кто мастер, и потом уже мне придется рассказывать историю своего ночного «открытого урока». Сказать по правде, не терпелось похвастаться Лере, что я сама смогла настроить машинку, да к тому же совсем неплохо набросать эскиз.

Но, удивив меня, Раш не стал прямо отвечать и на этот вопрос, в очередной раз доказав, что он до ужаса странный тип.

– Пришлось сделать. Показать пока не могу. А насчет руки... Хочешь, бери взамен ногу, правую. Всю! – Смеясь, мужчина вышел из спальни, направляясь к холодильнику.

– Ох, ну как откажешься от такого заманчивого предложения. А будешь и дальше разыгрывать из себя самую таинственность, я и вправду ногу заберу – наколю тебе там купола!

– Да хоть профиль Сталина! Испугала.

Осмотрев пустые полки холодильника, Раш недовольно захлопнул дверцу.

– Ты мне лучше расскажи: почему без моего разрешения юное дарование оставила тут жить.

Все тут же повернулись, наконец-то вспомнив о моем существовании. Лера даже глазом не моргнула, казалось, не особо переживая о недовольстве хозяина квартиры.

– Ну а что, девочке жить негде, а квартира все равно пустует. Что мы не люди? Вот накопит она на свои курсы, выучится. Еще будешь рассказывать, что у тебя жила известная художница.

Черт! Черт! Черт!

Хотелось зажмуриться и убежать. Ну почему Лера решила рассказать именно об этом? Сейчас Раш решит, что я ему соврала и вытолкает меня за дверь.

Что ж за невезение-то?!

– На курсы говоришь? – сложив руки на груди, мужчина окинул меня пристальным взглядом.

– Забей, это у них там свои заморочки. Я уже даже не вникаю во все тонкости, – Макс махнул рукой и, направляясь к выходу, проговорил: – Хватит болтать, пошли лучше к нам завтракать, тут все равно есть нечего.

– Точно, вот за завтраком все и расскажешь! Я – накрывать на стол. Через десять минут жду всех у нас.

Когда дверь захлопнулась, в комнате повисла гнетущая тишина. Я стояла, уставившись в пол, ожидая, когда Раш начнет кричать или выкидывать мои вещи из окна.

– И почему это мы ничего не рассказали нашей спасительнице? – Спросил негромко, пересекая комнату и неспешно приближаясь ко мне.

Деваться было некуда, я еще ниже опустила голову, понимая, что придется рассказать о своем обмане.

– Мне пришлось...

Ох, как все было сложно. Не хотелось пускаться в долгие объяснения, да и сама я не могла до конца понять, зачем придумала это вранье о курсах.

Не хотела, чтобы Лера жалела меня еще больше? Да!

Боялась, что она заставит меня отправиться к тетке или откажется помогать, чтобы я уехала к родне? И это тоже.

А еще много причин, которые даже мне казались глупыми, а такой человек как Раш не захочет их даже слушать.

– А мне почему правду сказала?

– Вы бы не поверили насчет курсов...

Это я знала наверняка: он бы точно почувствовал, что я вру, и тогда пришлось искать крышу над головой и новую работу. Я на интуитивном уровне понимала, что Рашу нужно говорить правду, хоть и не смогла бы внятно объяснить почему.

Поднимаю взгляд, пытаюсь разгадать, как расценивать молчание мужчины, и вижу, что он улыбается. Видимо, ему польстило, что я считаю его более проницательным, чем Леру, а может, попросту боюсь ему врать. Ясно одно: моя маленькая ложь сошла мне с рук, а это не может не радовать.

– Ладно, иди, собирайся, а то волосы торчат в разные стороны как у галчонка. Нас все же на завтрак ждут.

Когда спустя пять минут, я выхожу из ванной комнаты, умытая и расчесанная, то нахожу квартиру абсолютно пустой. Видимо Раш уже ушел к соседям, не дождавшись меня.

Натягивая кеды, слышу неясные голоса за входной дверью и машинально прижимаюсь к ней ухом, желая расслышать, о чем идет речь.

– Так значит все не так радужно, как ты рассказывал по Скайпу? – узнаю голос Макса и тут же замираю, вся превратившись в слух.

– Не так хреново, как было, а это уже хорошо. Ты мне лучше расскажи, уже приходили? Раш явно взволнован – напряжение в его голосе слышно даже сквозь дверь.

– Ага, было дело. Сказали «узнать о твоём здоровье». Но понятно же кто их послал...

– Твою ж мать! Лерке хоть не проболтался?

– Она в курсе, видела их, когда приходили. Я врать не стал.

– Понятно, ладно, время еще есть. Когда мое железо в нормальный вид приведешь?

– Пара недель, максимум месяц. Ты ж видел, в каком состоянии там все – сплошной металлолом.

Я не понимала, о чем шел разговор, но интуиция подсказывала, что ничего хорошего это не сулит. У мужчин явно проблемы, но вот какого плана понять сложно. Надеюсь, они не промышляют краденым или наркотиками. Не хотелось бы оказаться замешанной в таком, пусть и косвенно.

– Раш, да не напрягайся ты так, прорвемся. Поехали сегодня с нами к перекрестку, отвлечешься, оторвемся, как в старые времена. Может чего и подвернется.

– Посмотрим. Оставь мне ключи от второй тачки, скатаюсь по делам пока.

– Только глупостей не наделай, ладно?

Слышу звук открываемой двери и уже более громкий голос Леры:

– Ребят, хватит секретничать, зовите Миху, еда остывает.

Ох, черт. И зачем я все это услышала? Есть теперь совершенно расхотелось.

глава 6

Раш

– Раш, ты совсем сдурел?!

– А какого черта ты не можешь выполнить просьбу?!

Я уже еле сдерживался от того, чтобы, схватив Чеха за грудки, не впечатать его в стену. Вот ведь изворотливый сукин сын! Еще совсем недавно чуть ли не братом называл, а сейчас смотрит своими сальными глазками и только и думает, как бы побыстрее спровадить меня отсюда.

Да я и сам хорош: нашел на кого положиться.

– Э, нет, подожди. Просьба просьбе – рознь. Какой мне резон пускать тебя в гонку? Даже если я и соглашусь, у тебя есть на чем катать? Сам говорил: твой мотоцикл разбит в ноль.

– Я найду колеса. Ты, главное, поставь меня в гонку, – цежу, сжав сигарету зубами, понимая, что найти сейчас хороший байк будет очень непросто.

– Сам посуди: ты не появлялся больше полугода, все забыли о тебе, Раш. Да и после прошлой аварии я еле отмазался – никто не хотел иметь со мной дела, все боялись огласки.

– Твою ж мать!

Не выдержав, со всей силы бью кулаком по столу. Бумаги, что лежали ровными стопками, разлетаются веером, покрывая грязный пол небольшой коморки.

В глазах Чеха читается откровенная паника.

Правильно, урод, бойся, самое время начать волноваться за собственный зад.

У меня и в мыслях нет марать руки об этого засранца, но припугнуть его не мешает. Пусть знает, что я еще в игре.

Вскочив со стула, Чех выставляет вперед руки, видимо, надеясь меня этим успокоить, и начинает сбивчиво тараторить:

– Раш... Друг, угомонись! Сам посмотри, куда ж тебе гонять в таком состоянии, да еще на чужих колесах? Хочешь окончательно увязнуть в долгах?

От волнения его акцент становится еще сильнее, и мне приходится напрягаться, чтобы понимать каждое слово.

– Отсидись дома, успокойся да восстанови мотоцикл. Как что появится путное, я тебе тут же сообщу. Даже денег займу, друг...

Дураку ясно, что у этого прохвоста лишь одна цель: побыстрее отделаться от меня и уже больше никогда не связываться.

Меня списали, быстро заменили другим, более успешным и популярным гонщиком.

Хотя, чего я хотел?

Вокруг одни крысы.

Вот и этот «друг» с бегающими глазками в свое время очень хорошо наварился на моих победах, а сейчас я ему на хрен не сдался.

Минус один в списке контактов.

Очередной слизняк, которого подпустили слишком близко к кормушке. Да и не сказать, что у меня были надежды на Чеха – этот крысеныш всегда был слишком изворотлив, другие в таком бизнесе надолго и не задерживаются.

Но попытаться стоило – вдруг бы, по старой памяти, прокатило.

Смотрю на его вспотевший лоб и дрожащие ручонки. Так и подмывает врезать напоследок, ну, чтоб окончательно убедить его в своей невменяемости, да и у самого кулаки давно чешутся, но после этого больше хлопот будет. Дураку понятно.

Знаю я таких: обиду затаит надолго, потом сиди и жди очередную подлянку, будто мне проблем мало. Тут уже явно ловить нечего, нужно валить.

Делаю глубокую затяжку, успокаиваясь, и вместе с дымом выдыхаю:

– Созвонимся... «друг», – последнее слово произношу с нажимом. Оно, будто кость, застревает поперек горла, мешая говорить.

Тушу окурок о столешницу письменного стола и, не обращая внимания на ошалелый взгляд Чеха, выхожу из коморки.

На часах начало десятого, на улице уже темно.

Захлопнув дверцу машины, достаю сигарету, черт знает какую по счету за сегодня.

Проклятье, Чех был моей последней надеждой. И если даже он отказался ставить меня в гонку, никто другой уж точно не возьмется.

Хватаю телефон – семь пропущенных от Макса.

Ладно, погнали!

Повернув ключ в замке зажигания, я улыбаюсь, слушая довольное урчание мотора. Ford Mustang 1967 года выпуска, красавица. Антидепрессант в чистом виде, а не тачка. Вот умели же раньше делать.

Врубив музыку на всю катушку, вдавливаю педаль газа в пол и качусь прочь из города.

Судя по часам, ребята уже, во всю веселятся на Перекрестке. Самое время наведаться туда, заявив о своем возвращении. Пусть не думают, что я отсиживаюсь дома.

Открыв в машине все окна, гоню на пределе, подпевая любимым песням, но даже это не помогает отвлечься и скинуть напряжение этого дерьмового дня. Хотя, «дерьмового года» было бы точнее.

До одури хочется по приезду встретить Докера и нарваться на хорошую драку. Выпустить пар и со спокойной душой умотать восвосяи.

Припарковав тачку, направляюсь в сторону веселящейся толпы.

Машин на пустыре мало, в основном все прикатали на двух колесах – своеобразный дресс-код Перекрестка.

Музыка грохочет, толпа гудит, все пьют и веселятся от души.

Раньше это был мой второй дом, а сейчас я будто рыба, выброшенная на берег.

Любопытные взгляды и приветственные выкрики сыплются со всех сторон.

Чувствую себя не в своей тарелке, протискиваясь сквозь народ в поисках Макса. Кажется, я впервые тут без своего мотоцикла, и от этого еще поганей.

– О, наша золотая девочка!

Из общего шума голосов выделяется резкий вскрик, заставляющий повернуть голову в сторону орущего.

Огромный бородатый мордорот, которого, если я не ошибаюсь, зовут Винт, расплылся в улыбке и, кажется, вот-вот начнет пускать слюни от умиления.

Интересно, что же могло вызвать у этого вечно хмурого типа приступ такого неопишемого восторга?

Проследив за его взглядом, нахожу, наконец, эту «золотую девочку» и прифигиваю еще больше.

Вот это поворот, а она что тут делает?!

Миха сидит на одном из мотоциклов, закинув на одну сторону свои длинные ноги. В коротких джинсовых шортах они кажутся еще длиннее, чем запомнились мне в прошлый раз.

На лице столько косметики, что я едва узнаю ее. Какого хрена, спрашивается, так намазалась? Хочется смыть всю эту штукатурку, из-за которой она выглядит вульгарно, да еще и лет на пять старше. Та девочка в забавной майке и без грамма косметики, что набивала татуировку прошлой ночью, нравилась мне гораздо больше.

Миха беззаботно смеется, болтает и активно жестикулирует, чувствуя себя комфортно и раскованно. Да уж, это со мной она вечно суетится и смотрит в пол, будто нашкодивший котенок. Тут же она явно в своей стихии.

А я смотрю, девочка неплохо-то обжилась за время моего отсутствия.

– Ты где был? На весь день пропал, ну мы ж волновались.

Макс подходит неожиданно, отвлекая меня наблюдения за девчонкой. Перевожу взгляд на друга. Он выглядит обеспокоенным. Да уж, заставил я его сегодня понервничать, когда укатил на весь день на его тачке. Врать смысла нет, особенно Макс, потому говорю, как есть:

– Стричься я ездил... Ну, и к Чеху заглянул на обратной дороге.

– Весело. И чего сказал толстяк?

– Послал он меня далеко и надолго. Нужно колеса восстанавливать. Тогда и разговор будет, – вырываю у друга из рук банку с пивом и делаю пару глотков.

– А эта что тут забыла?

Киваю в сторону Михи. Макс, проследив за моим взглядом, улыбается, практически той же туповатой улыбкой, которая совсем недавно красовалась на фейсе Винта.

Они что, сговорились все?

– А Михи-то? Она у нас теперь на подобии талисмана. «Золотая девочка». Рисует офигенно. Такие шедевры на тачках и байках бацает – закачаешься, – Макс отбирает у меня свое пиво и продолжает рассказывать. – Деньги ей нужны, поэтому вкалывает не по-детски, если работы в салоне нет. Аэрография, друг, охренеть как популярна сейчас.

Нет, ну не девка, а прямо кладезь талантов! Как же весь этот сброд раньше-то без нее жил?

– Не рановато ли ей с взрослыми дядями и тетями тусить? – наблюдаю презабавную картину, как вокруг Михи вьется пара парней, чуть ли в рот ей не заглядывая от восхищения. Тоже мне, звезда местного разлива.

– Ладно тебе, Раш, знаешь же, на Перекрестке и помладше цыпочки бывали. А эта девочка с мозгами, да и мы присматриваем. Тут большинство ребят к ней как дочери относятся.

– И давно ты в няньки записался?

– С тех пор, как Миха неплохо подняла нам автомастерскую, народ уже прямо к ней идет. С такой не грех и понянчиться, – Макс машет рукой Лерке, которая, пробираясь сквозь толпу, направляется к нам. В ярко-розовых джинсах, бирюзовых кедах и такого же цвета футболке она выглядит как клоун, среди одетой в темные цвета толпы. Вечно выглядит как подросток-дальтоник, чем ярче и аляповатей, тем лучше. И когда уже Макс ее перевоспитает?

– Раш, ты совсем сдурел? Укатил не пойми куда на весь день! Предупреждать нужно! – не тратя времени на приветствия, сразу рубит с плеча Лера.

Супер! Они и меня теперь опекать вздумали. Тоже мне, нашли сирого и убогого.

– Я смотрю, вы тут подсели уже нянечками работать, да? Успокойся, белобрысая, по делам я ездил. Как видишь: жив, здоров, не ранен, не убит.

Лера закатывает глаза, без слов давая понять свое отношение к моему ответу.

– Раш в своем репертуаре. Но я тебя прошу, если ты выполнишь одну ма-аленькую просьбу.

– Ой, как интересно. Зная тебя, Лерыч, просьба будет немаленькая.

Девушка смеется, подтверждая мои слова, но на помощь ей приходит Макс, который, видимо, решил взять удар на себя.

– Друг, тут такое дело... Нам отъехать нужно. Можешь отвезти Миху домой? И сам дров не наломаешь и нам поможешь заодно.

– Ой, как весело у вас. И давно меня в буйно-припадочные записали?

– А ты вспомни, как ты себя после выписки вел, с тех пор и записали, – Лера подходит вплотную и говорит без обиняков, глядя прямо в глаза.

Ответить мне нечем – помню, очень хорошо помню, как крушил все вокруг себя. Гордиться тут нечем.

– А ничего, что у меня свои планы есть? Дядя Раш не обещал присматривать за вашей новой воспитанницей.

Я все еще надеюсь отыскать в этой толкучке Докера и «поговорить» с ним по душам. Хорошая драка – вот, что мне сейчас нужно.

– Рашик, ну я тебя очень прошу, отсидись пару дней дома, а! Натворишь делов, мы ж потом не разгребем.

У меня что, на лице написано, что именно я хочу сделать?

Лера смотрит на меня своим самым жалостливым взглядом. Кот из Шрека просто отдыхает. Актриса, а не девка, ну ей Богу.

– Отвезу я вашу Миху, успокойся. Езжайте, детки, по своим делам, развлекайтесь, только предохраняться не забывайте.

Лера радостно взвизгивает и, подскочив на месте, чмокает меня в щеку.

– Спасибо!

– Скажи своей протее, чтоб через десять минут сидела в машине, а то уеду без нее. А с вас, голубки, ящик пива за доставленные неприятности.

Михаль

«Воля и разум,» – гремит на весь салон автомобиля голос вокалиста, перекрывая шум мотора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.